

УДК 811.161.1+808.5

И. А. ИВАНЧУК*

ЭСТЕТИКА РАЗГОВОРНОСТИ В ПУБЛИЧНЫХ ДИСКУРСАХ ТВОРЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

В статье представлен анализ дискурсов на основе нового понимания нормы как «выбора», а не как «запрета», отвергающего принцип недозволенности пуристического деления на правомерные/неправомерные лексические единицы. Предлагаются критерии оценки дискурсов в соответствии с пушкинским принципом «соразмерности и сообразности», критериями «истинного вкуса» как чувства меры и уместности, как основы гармонизации общего интеллектуально-эмоционального тона публичного дискурса — гуманистического, лишённого агрессии, толерантного, исполненного веры в непреходящие человеческие ценности, соответствующего русской ментальности и подлинной духовности. Рассматриваются позиции объективной оценки нового отношения к «поэтике сниженного» как объективной закономерности развития современной языковой ситуации. Публичные дискурсы творческой элиты России анализируются с учётом их этической уместности. Выявленные закономерности в официальной речи представителей творческих специальностей интерпретируются как материал для совершенствования общих тенденций стилистически регистровых направлений современной языковой политики. Рассматривается дифференцирующая роль категории контраста (с учётом его уместности и целесообразности), проявляющегося прежде всего в речевой практике представителей лингвоактивных профессий, особо — в публичном дискурсе представителей творческой элиты России.

Ключевые слова: публичный дискурс, элитарная речевая культура, разговорность, языковая политика.

Функционально регистровое поведение по отношению к сниженным формам речи характерно для всех носителей литературного языка, однако в пределах элитарной речевой культуры мотивированное, осознанное привлечение нелитературных средств имеет свою специфику. Ненормативные единицы сниженного характера — общая черта всех публичных дискурсов (далее — ПД), так как по своей природе публичная устная спонтанная или полуспонтанная речь — всегда синтез книжности и разговорности, а послед-

* Ирина Анатольевна Иванчук — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакommunikаций Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ivanchukia@rambler.ru

няя выступает как сознательная стилизация, целенаправленное обращение к сниженным, опрощающим речь средствам. К вульгарному грубому просторечию и жаргонизмам носители элитарной речевой культуры обращаются в исключительных случаях, и не в целях уравнивания отношений с адресатом. Для носителей элитарной речевой культуры характерно не только неприятие популистских приёмов для достижения коммуникативной успешности, но и постоянное, органически присущее им чувство ответственности за тот уровень языкового общения, который они предлагают. Однако осторожность, ответственное отношение к прагматической силе слова вовсе не означают отказа от любого использования экспрессивной, в том числе — жаргонной лексики. Мастером стилистического варьирования контекста проявил себя в публичной речи один из наиболее известных представителей «деревенской прозы» — Фёдор Абрамов. Так, высокий эмоциональный настрой сопровождает сниженное просторечное слово *баба* в контексте — настоящем гимне роли русской женщины в Отечественной войне: «...когда у нас говорят, пишут в истории, что второй фронт в эту войну был открыт в 1944 году, это неверно. Второй фронт был открыт русской бабой ещё в 1941 году, когда она одна взвалила на себя всю эту мужскую непосильную работу, когда на неё опёрся всей своей мощью фронт, армия, война. <...> И, конечно же, русская баба, русская женщина достойна самых великих памятников» [1, 117]. Классификация функциональных регистров соотнесена нами с принятой в науке системой функций языка Р. Якобсона, которую мы, в соответствии с современными научными концепциями (И. В. Арнольд, В. В. Химик), модифицируем в соответствии со спецификой анализируемого риторического материала [18].

Эстетическая функция. Разговорность как особая категория публичного дискурса играет большую роль в отражении креативных способностей говорящего. Идея родства публичной речи как ораторского искусства с речью художественной лежала в основе античных теорий красноречия. В концепции Аристотеля (IV в. до н. э.) большое место отводится проблеме стиля как своеобразия и выразительности речи оратора, способствующей её убедительности. Выразительность же связывается с понятиями уместности, изящества и удачности выражения, приятности и новизны впечатления — теми свойствами, которые присущи речи художественной. Продолжая эллинистические традиции в теории красноречия, Марк Туллий Цицерон (I в. до н. э.) выделяет в красноречии умение убедить, подчинить себе слушателя и связывает мастерство оратора с искусством овладения эмоциями — «умением увлекать за собой сердца». Сближение публичной речи как особого вида искусства с речью художественной последовательно проводится и русскими теоретиками риторики — М. В. Ломоносовым, М. М. Сперанским («Слово есть род картины»), Н. Ф. Кошанским [12]. Близость ораторской речи и художественного слова находит одно из наиболее значимых проявлений в категории разговорности, эстетической и риторической. Эстетическая функция разговорности — это один из компонентов языка художественного произведения как реализации эстетической функции языка — «воплощения и выражения художественной действительности, художественного мира» [4, 5]. По определению Г. О. Винокура, эстетическая функция языка (учёный называет её «поэтической»), имея в виду любые жанры художественных

произведений) не совпадает с функциями языка как средства обычного общения [5]. Поэтический язык в этом смысле есть то, что обычно называют образным языком. Художественное слово образно вовсе не в том отношении, будто оно непременно метафорично. Но «действительный смысл художественного слова никогда не замыкается в его буквальном смысле» [5, 27]. Образно-эмоциональная природа сознания и мышления, воплощаемая в художественном тексте, порождает и ряд типологических примет эстетической функции языка: изобразительность и выразительность, направленность слова на другое слово, связь его с художественным целым (Б. А. Ларин, В. В. Виноградов, Ю. Н. Тынянов и др.), рефлексивность, то есть обычную обращённость слова на само себя, эффект активного эмоционально-эстетического сопереживания, сотворчества читателя (А. А. Потебня, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, Н. С. Болотнова и пр.); способность доставлять адресату удовольствие, наслаждение красотой, неожиданной новизной смысла и формы слова (Р. Барт). Эстетическая категория разговорности в произведении словесного искусства активно участвует в реализации этих особенностей языка художественной литературы, помогая создать «образ автора» как воплощение концептуальной картины мира. Эстетическая же функция риторической разговорности — вторичная, дополнительная, наслаивающаяся на основное назначение разговорности — служить средством оптимизации общения, усиления воздействия на адресата. В. В. Одинцов справедливо замечает: «Языковая образность (художественность языка) более характерна для нехудожественных жанров массовой коммуникации (газеты, ораторской речи и др.). Понятия “образность”, “художественность” в применении к литературе наполняются иным содержанием, оказываются многослойными, многоплановыми. “Эстетическое” в литературе существенно отличается от “эстетического” в обычном употреблении» [14, 64]. Своеобразие эстетического компонента публичной речи определено Т. Г. Винокур, воспринимающей эстетическую функцию слова в ПД как «...завлекающую манеру изложения, выразительность и стильность, своеобразную красоту, внешнюю и внутреннюю соразмерность» [6, 111]. Наиболее выразительные проявления данной функции разговорности в публичном дискурсе — метафора и языковая игра. Метафора — яркое экспрессивное средство языка, в современном мире ставшее самым активным способом выражения не только эмотивных отношений и оценочной характеристики объекта, но и хранения категорий сознания, входящих в «концептосферу языка» (Д. С. Лихачёв). Свойство метафоры как реализации миропонимания (когнитивная природа) играет первостепенную роль в использовании этого риторического компонента носителями элитарной речевой культуры. Метафора привлекается в таких контекстах, которые имеют направленность на гуманистические идеалы, защиту добра, духовных и общественных ценностей, традиций культуры (Ср.: «Самоирония — это великая вещь, это огромная защитная сила. Ирония — как ржа, она разъедает человека: всё на продажу, всё на смех. <...> У человека должны быть вещи, которые не должны подвергаться иронии, смеху» (Н. Михалков) [8]. Встречаются контексты, когда накал отрицательных эмоций выводит дискурс говорящего за грань дозволенного даже и в тех случаях, когда и владение публичным словом, и нравственно-этическая позиция говорящего, казалось бы, предполагают его риторическую компетенцию. Такова сниженная пей-

оративная и инвективная лексика в метафорическом контексте известного художника И. Глазунова. Метафора в его дискурсе противоречит принципу толерантности, присущей носителям элитарной речевой культуры, хотя в цитируемом далее дискурсе этого известного деятеля культуры и отражены высокие гражданские чувства — патриотизм, боль за судьбы исторических памятников страны, осознание величия для России образа Ф. М. Достоевского. Метафорический контекст нарушает этические и эстетические нормы носителя элитарной речевой культуры: «...Я монархист, потому что самая гнусная форма правления — так называемая демократия. <...> Когда лихорадка перестройки перешла в национальное самоубийство. <...> Я понимаю, сколько мерзавцев и сволочей вокруг меня. В телепередачах каждый день одни и те же рожи, и так же скачут...» [7]. Эстетический критерий разговорности требует чувства меры и ответственности за форму публичного слова и строгого самоконтроля. Ср.: намного более уместное контекстуально антонимическое употребление единиц того же смыслового ряда в тексте интервью С. Шаргунова, служащее для определения контрастности философских жизненных позиций героя интервью и его отца.

«Журналист: Как складывались и складываются твои отношения со знаменитым отцом? Публицист Виктор Милитарёв сказал мне как-то, что Сергей — своеобразное наказание для отца. О чём он говорил, как ты думаешь?

Сергей Шаргунов: Виктор Юрьевич имеет в виду, что духовное лицо и светская физиономия — это совсем разное, и у меня с моим отцом разные смысловые галактики» [15].

Экспрессивная сила, «энергия» разговорной метафоры связана с её функционированием в публичном дискурсе как категории интертекстуальности. Основой языковой ткани публичной речи как устной формы публицистического стиля служит сочетание лексики книжного и нейтрального характера, и элементы разговорности в ней (в том числе единицы просторечного, диалектного и жаргонного характера) воспринимаются как иностилевые включения. Стилистически окрашенная лексика при использовании вне привычной сферы создаёт ассоциативные связи и таким образом вносит в текст дополнительную образную, эстетическую, оценочную и другую информацию. Такие включения часто оказываются метафорами. Сниженные метафоры привлекаются практически во всех дискурсах носителей элитарной речевой культуры; среди дискурсов можно выделить два типа: 1) умеренно-экспрессивные и 2) напряжённо-экспрессивные. Сниженная метафора, характерная для оценки социальных событий, лиц, явлений общественной жизни, — один из активных источников экспрессивизации современной речи. Метафоризация жаргонизмов происходит при этом мотивированно, включение их передаёт оригинальный ход мысли говорящего, его творческую речевую активность, как правило, сопровождаясь тональностью мягкой иронии: «...Как-то сумел, на чувственном уровне, прояснить и немного утихомирить их (актёров. — И. И.) собственные внутренние разборки. Я думаю, что это хороший результат для театра» (В. Фокин) [8]; «Я и мои друзья не были революционерами, но были, что называется, “диссидентами системы”. Мы не выходили с плакатами на улицу. Но расшатывали догмы аналитическими фомками» (Е. Евтушенко) [8]. В функционировании метафоры в двух сферах — риторической и художественной — проявляется глубокое своеобразие: различна частотность

типов метафоры — узуальной, закреплённой как общезыковой перенос, и индивидуальной, художественной, поэтической — в соотношении их с целостным текстом. Если для идиостилей писателей индивидуальная метафора — свойство, широко представленное в разных жанрах литературы, то в публичных дискурсах изучаемого типа она редкое явление, свойственное в основном речи профессиональных писателей, которые в публичной речи, как и в художественной, проявляют оригинальность ассоциативного мышления, особое словесно-эстетическое дарование. Такова свежесть образной характеристики, созданной драматургом Н. Садур: «...он (русский язык. — *И. И.*) любит развалиться, разложиться и какую-нибудь простенькую мысль потягивает... Он добродушен и созерцателен, ему спешить некуда...» [3]. Или нетривиальный ассоциативный ход мысли В. Маканина, характеризующего бытовой метафорой творческий процесс писателя-драматурга: «Пишущий человек заботится о создании своего мирка. Это не состоялось, не сбилось, как масло, — ни один режиссёр не сделает ничего...» [8]. Другое отличительное свойство индивидуальной метафоры в публичном дискурсе — выводимость её смысла из малого контекста, отсутствие (или, во всяком случае, необязательность) связи с целостным текстом, что является типологическим признаком индивидуальной метафоры в художественной речи (ср. невозможность раскрыть вне целостного текста всю глубину таких метафор, как пушкинская «печаль моя светла», «в тревоге пёстрой и бесплодной»; есенинская «ты моё васильковое слово»; блоковская «тоска дорожная, железная» и др.). Подобные метафоры рассматриваются Б. А. Лариным как проявление особого типа художественного приращения смысла, названного исследователем эстетическим значением [13]. Особенно характерный путь такой актуализации двуплановости — развёртывание на основе метафоры-доминанты целой образной картины, в которой ассоциативную осложнённую, «метафорический заряд» получают все слагаемые: «Один умный философ определил Россию: “Россия существует только в двух измерениях: либо она жидкая, либо крестообразная”. Сейчас она разлилась» (Д. С. Лихачёв) [3]; «Высоцкий раскачивает лодку, в которой мы все сидим, чтобы приплыть куда-то» (В. Фокин) [8]; «Памятник, созданный гением Фальконэ, мог стоять без штырей, но Россию, к которой обращён образ: “Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?” — удержать навечно без штырей было нельзя. И мы и сейчас не знаем, где опустит она копыта» (Б. Сарнов) [3].

Оценка элитарного типа речевой культуры не должна быть прямолинейной и субъективной. Употребление того или иного сниженного слова, вплоть до жаргонных, если они не нарушают нравственных норм, — ещё не основание для квалификации речевой культуры личности как среднелитературной или литературно-жаргонизирующей. Иначе в принадлежности к элитарному типу речевой культуры следовало бы отказать многим выдающимся мастерам художественного и ораторского слова конца XX — нач. XXI в.: А. Вознесенскому, Ю. Афанасьеву, М. Захарову, М. Ульянову, В. Рецептеру, В. Соловьёву, А. Солженицыну, Ф. Абрамову, Ю. Темирканову, В. Гергиеву, А. Смелянскому, Л. Додину, Н. Сванидзе и мн. др. На фоне нового понимания нормы как «выбора», а не как «запрета», критерием высокой речевой культуры должен быть не список недозволённых для употребления слов, не

пуристическое деление на правомерные/неправомерные лексические единицы, а пушкинский принцип «соразмерности и сообразности», «истинный вкус» как чувство меры и уместности. Успешность прохождения «болевых участков системы», дифференциация степени «поражённости» речевыми ошибками, целесообразность и незатруднительность пользования всеми языковыми регистрами безусловно является, как отмечается ведущими российскими исследователями-лингвистами, одним из основных критериев принадлежности говорящего не только к определённом типу речевой культуры, но и проявлением индивидуального мастерства публичного слова. Однако дальнейшее развитие Федеральной программы по усилению роли русского языка в современном обществе должно, на наш взгляд, касаться усовершенствования оценочности в области стилистически регистровой системы современной русской речи, определения специфики и национальных особенностей функционирования русского литературного языка, уточнения позиций разговорной лексики, участвующей в создании стилистического контраста в современном публичном дискурсе, имеющем индивидуальные творческие особенности в публичной речи, особо — в дискурсах творческой элиты России (мы поддерживаем точку зрения Ф. П. Филина о существовании двух типов просторечия: просторечия как стилистического средства литературного языка; просторечия как речи лиц, недостаточно владеющих литературным языком) [17, 30]. Выявленные закономерности в официальной речи представителей творческих специальностей дают материал для обозначения общих тенденций и отдельных направлений современной языковой политики. Определяющей становится категория стилистического контраста как критерий дифференцированности элитарного типа речевой культуры. Так, в умеренно-экспрессивном типе разговорность отражается в основном синтаксическими, т. е. «слабыми» средствами (такова роль лексики сниженного регистра в тексте публичного выступления известного российского писателя и публициста, Почётного гражданина Санкт-Петербурга Д. А. Гранина, создающая тональность доверительности в повествовании о трагических блокадных днях Ленинграда) [11]. Своеобразно проявление умеренно-экспрессивного типа в дискурсах известного дирижёра, художественного руководителя Мариинского театра В. А. Гергиева: «Мы, Мариинский театр, свою славу добывали в самые трудные годы — начало 90-х. Мы пахали и завоевали трудом, потом, кровью...» (дискурс В. А. Гергиева ориентирован на узуальные образы, которые привычны и прозрачны и в совокупности создают эмоциональность и оценочность) [9]. Пример напряжённо-экспрессивного (но не агонального) контекста — во всех типах интервью выдающегося поэта конца XX в. А. Вознесенского, художника огромного лексического диапазона, создающего тексты высокого гражданского пафоса.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. В современной языковой ситуации в поле зрения лингвистов должны находиться прежде всего ненормативные процессы развития русского языка. Следствием негативных процессов становится не только некорректный дискурс вместо сформированного текста, но и порча самого языка: его обеднение, диффузия и синкретизация, мешающие точному пониманию смысла (интенции адресанта) в процессе коммуникации [16].

2. Особое внимание следует уделить повышению общей риторической культуры общества, обучению топической системе построения аргументированной публичной речи (интервью, теледебаты, политическая программа, рекламный ролик и пр.) [2].
3. Оценка языковой практики полнофункционального типа речевой культуры не должна быть прямолинейной и субъективной. Отношение к разговорности — объективная закономерность развития современной языковой ситуации. Это позволяет говорить о своеобразной «поэтике сниженного» (прежде всего в элитарном типе речевой культуры), особенно — в речи творческой интеллигенции.
4. Анализ ПД элитарной речевой культуры следует проводить в свете современных тенденций языковой политики, подтверждающих точку зрения наиболее значимого теоретика русского литературного языка, А. И. Горшкова: «Граница между литературным и разговорным языком не закрыта. Всегда существует взаимодействие, которое отнюдь не снимает различий между этими двумя разновидностями употребления языка» [10, 248].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 15 встреч в Останкине. — М. : Политиздат, 1989. — 303 с.
2. *Аннушкин В. И.* Риторика. Экспресс-курс: Учебное пособие. — М. : Флинта, 2021. — 224 с.
3. *Богова Л. А.* Наша речь — наше будущее. [Интервью с деятелями литературы, культуры, науки, театра и искусства Д. С. Лихачёвым, Б. М. Сарновым, А. М. Панченко, Н. Н. Садур, В. С. Розовым, Л. С. Петрушевской, И. М. Смоктуновским, К. А. Райкиным, И. С. Саввиной, А. С. Демидовой, С. С. Пелявской и др.] (Аудиотекст). [Цикл передач] // ГТРК «Иртыш», 1993.
4. *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. — М. : Высшая школа, 1971. — 239 с.
5. *Винокур Г. О.* О языке художественной литературы. — М. : Высшая школа, 1991. — 448 с.
6. *Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. — М. : Наука, 1993. — 172 с.
7. Вирази времени — 2021. Авторская программа на радио России А. Д. Дементьева // Радиостанция «Радио Культура» [официальный сайт]. URL: <http://www.culturadio.ru/>»www.culturadio.ru/programs/ Архив (дата обращения: 15.02.2021).
8. Встречи и беседы с В. Э. Рецептером, С. Е. Калединым, Е. А. Евтушенко, В. С. Маканиным, В. В. Фокиным, Л. А. Додиныным, П. Н. Фоменко, Н. С. Михалковым (аудиозапись) // Рождественские встречи. Международный Рождественский фестиваль искусств. — Новосибирск, 1997.
9. *Гергиев В. А.* Мы очень богатая страна, и об этом пора вспомнить [Интервью] // Аргументы и факты. — 2010. № 13.
10. *Горшков А. И.* Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. — М. : Изд-во Литературного института, 2008. — 320 с.
11. *Гранин Д. А.* Речь в Бундестаге «Час памяти». 27.01.2014. URL: <http://dw.de/p/1Au3u27> (дата обращения: 15.06.2021).
12. *Кошанский Н. Ф.* Риторика. — М. : Русская панорама, 2013. — 320 с.
13. *Ларин Б. А.* Эстетика слова и язык писателя: Избранные статьи. — Л. : Художественная литература, Ленингр. отд-ние, 1974. — 285 с.

14. *Одинцов В. В.* Стилистика текста. — М.: Наука, 1980. — 263 с.
15. *Шаргунов С. А.* Интервью [Электронный ресурс]: Сергей Шаргунов. Сайт писателя. URL: <https://shargunov.com/intervyu> (дата обращения: 15.02.2021).
16. *Сиротинина О. Б.* Эффективность общения как одна из важнейших проблем современной коммуникативной практики // Экология языка и коммуникативная практика. — 2018. № 1. — С. 59–71.
17. *Филин Ф. П.* Язык художественной литературы и читатель (слово после дискуссии) // Русская речь. — 1977. № 4. — С. 22–34.
18. *Химик В. В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. — СПб.: Филол. фак. СПб. гос. ун-та, 2000. — 269 с.

REFERENCES

1. 15 vstreich v Ostantkine. [15 Meetings in Ostantkino]. — М.: Politizdat, 1989. — 303 s.
2. *Annushkin V. I.* Ritorika. Ekspress-kurs: Uchebnoe posobie [Rhetoric. Express Course: Study Guide]. — М.: Flinta, 2021. — 224 s.
3. *Bogova L. A.* Nasha rech' — nashe budushchee. [Interv'yu s deyatelayami literatury, kul'tury, nauki, teatra i iskusstva D. S. Lihachevym, B. M. Sarnovym, A. M. Panchenko, N. N. Sadur, V. S. Rozovym, L. S. Petrushevskoj, I. M. Smoktunovskim, K. A. Rajkinym, I. S. Savvinoj, A. S. Demidovoj, S. S. Pelyavskoj i dr.]. [Audiotekst]. [Cikl peredach] [Our language is our future: Interviews with figures of literature, culture, science, theater and art D. S. Likhachev, B. M. Sarnov, A. M. Panchenko, N. N. Sadur, V. S. Rozov, L. S. Petrushevskaya, I. M. Smoktunovsky, K. A. Raikin, I. S. Savvina, A. S. Demidova, S. S. Pelyavskaya, etc.] // GTRK «Irtys», 1993.
4. *Vinogradov V. V.* O teorii khudozhestvennoy rechi [About the theory of artistic speech]. — М.: Vysshaya shkola, 1971. — 239 s.
5. *Vinokur G. O.* O yazyke khudozhestvennoy literatury [About the language of fiction]. — М.: Vysshaya shkola, 1991. — 448 s.
6. *Vinokur T. G.* Govoryashchiy i slushayushchiy. Varianty rechevogo povedeniya [Speaker and Listener. Variants of speech behavior]. — М.: Nauka, 1993. — 172 s.
7. Virazhi vremeni — 2021. Avtorskaya programma na radio Rossii A. D. Dement'eva [Bends of Time — 2021. A. Demeniev's Program] // Radiostanciya «Radio Kul'tura». Available at: <http://www.culturadio.ru/www.culturadio.ru/programs> (accessed: 15.02.2021).
8. *Vstrechi i besedy s V. E. Receptorom, S. E. Kaledinym, E. A. Evtushenko, V. S. Makaninym, V. V. Fokinym, L. A. Dodinym, P. N. Fomenko, N. S. Mihalkovym* (audiozapis') [Meetings and Conversations with V. E. Receptor, S. E. Kaledin, E. A. Evtushenko, V. S. Makanin, V. V. Fokin, L. A. Dodin, P. N. Fomenko, N. S. Mihalkov] // Rozhdestvenskie vstrechi. Mezhdunarodnyj Rozhdestvenskij Festival' iskusstv. — Novosibirsk, 1997.
9. *Gergiev V. A.* «My ochen' bogataya strana. I ob etom pora vspomnit'» [«We are a very rich country. And it's time to remember this»] // Argumenty i fakty. — 2010. — №13. — S. 5.
10. *Gorshkov A. I.* Russkaya stilistika i stilisticheskij analiz proizvedenij slovesnosti [Russian stylistics and literature stylistic analysis]. — М.: Izd-vo Lit. In-ta, 2008. — 320 s.
11. *Granin D. A.* Rech v Bundestage «Chas pamyati». 27.01.2014 [Speech at the Bundestag “Hour of Remembrance”. 27.01.2014]. Available at: <http://dw.de/p/1Ay3u27> (accessed: 15.12.2019).
12. *Koshanskiy, N. F.* Ritorika [Rhetoric]. — М.: Russkaya panorama, 2013. — 320 s.

13. *Larin B. A.* Estetika slova i yazyk pisatelya: izbrannye stat'i [The word aesthetics and the writer's language: selected articles]. — M.: Khud. Lit., 1973. — 288 s.
14. *Odintsov V. V.* Stilistika teksta [Stylistics of the text]. — M.: Nauka, 1980. — 263 s.
15. *Shargunov S. A.* Interv'yū [Interview]. Available at: <https://shargunov.com/intervyu> (accessed: 15.02.2021).
16. *Sirotnina O. B.* Effektivnost' obshcheniya kak odna iz vazhneyshikh problem sovremennoy kommunikativnoy praktiki [Communication efficiency as one of the most important problems of modern communication practice] // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. — 2018. — № 1. — S. 59–71.
17. *Filin F. P.* Yazyk khudozhestvennoy literatury i chitalel' (slovo posle diskussii) [The language of fiction and the reader (word after discussion)] // *Russkaya rech'*. — 1977. — № 4. — S. 22-34.
18. *Khimik V. V.* Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyy fenomen [Poetics of the Low, or Common Speech as a Cultural Phenomenon]. — SPb: Filol. fak. SPb. gos. Un-ta, 2000. — 272 s.

© И. А. Иванчук